

—

Цзян Цяо и понятия не имел, что Лян Чэнъяню отказали при попытке добавить его в друзья. После завершения торжественного вечера он просто вернулся домой.

Смыв с себя усталость под душем, он обнаружил в почтовом ящике письмо от Вэй Ин с видеозаписью выступления, а в WeChat — сообщение от неё же.

[Профессор Вэй Ин: Видео отправила тебе на почту. Не спеши сегодня с разбором, посмотри завтра, ты в последнее время сильно устал.]

[Профессор Вэй Ин: Сегодняшнее выступление было очень успешным, лучше любой из предыдущих репетиций «Лебедя».]

Цзян Цяо мысленно прокрутил в голове свое состояние во время выступления — оно и впрямь было отличным. Внутри словно что-то горело, вызывая неистовый порыв выплеснуть всё через танец.

Каждый прыжок и пируэт были подобны неугасающим искрам, расцветающим яркими цветами у него под ногами.

Это ощущение не утихло полностью даже после финала, а заставляло тело трепетать от возбуждения, вызванного избытком дофамина.

Дофамин...

Цзян Цяо замер, и в голове вспыхнула догадка. Он вспомнил поцелуй с Лян Чэнъянем на лестнице перед выходом на сцену.

Темное тесное пространство, двусмысленные влажные звуки, четкий ритм сердцебиения — в этот миг всё это многократно усилилось в его памяти. Хотя прошло уже несколько часов, Цзян Цяо казалось, будто жар ладони Лян Чэнъяня всё еще ощущается на его талии.

Этот жар обжигал кожу даже сквозь тонкую ткань рубашки.

Придя в себя, он обнаружил, что бессознательно поглаживает то самое место на боку, которое сегодня сжимал Лян Чэнъянь.

«Сегодня я был на удивление смелым и несдержанным», — отстраненно подумал Цзян Цяо, и кончики его ушей невольно покраснели. А потом до него дошло кое-что еще.

Первой реакцией было: «Расслабление перед сценой» и впрямь оказалось эффективным. Второй — тогда ведь договаривались только о поцелуе, а Лян Чэнъянь не сдержал обещания и распустил руки, лапая его за талию.

Вспомнив тот напористый поцелуй и то, как властно Лян Чэнъянь удерживал его, не давая отстраниться, Цзян Цяо слегка нахмурил брови. Интуиция подсказывала ему, что этот человек вовсе не так благовоспитан и мягок, каким кажется на первый взгляд, и не стоило поддаваться эмоциям и провоцировать его.

Лучше держаться на расстоянии. Будто ничего и не было.

Приняв это решение, Цзян Цяо принялся за разбор сегодняшнего выступления.

В отличие от дрожащего видео Сюй Нина, у Вэй Ин был отличный ракурс, картинка была четкой и плавной.

Переключив освещение в комнате в мягкий режим, Цзян Цяо включил проектор и, утонув в мягком диване, стал смотреть свой танец. При разборе он обычно сначала просматривал запись целиком в нормальном темпе, а затем замедлял скорость, чтобы разобрать каждое движение по отдельности — так же он делал и на обычных репетициях.

Замечая моменты, которые его не устраивали, он вскакивал с дивана и босиком на полу повторял движение снова и снова, пока не добивался идеала.

Время шло, стрелка часов на стене перевалила за половину первого ночи.

Цзян Цяо зевнул, когда видео закончилось в энный раз. Как и говорила Вэй Ин, эффект от этого выступления действительно превзошел все предыдущие репетиции.

Учитывая, что результат превзошел ожидания, Цзян Цяо решил простить Лян Чэнъяню его несдержанность. «От него всё-таки есть польза», — подумал он перед сном. К тому же, Лян Чэнъянь хорош собой, так что Цзян Цяо не в убытке — в конце концов, ему тоже было приятно.

Лян Чэнъянь тоже не знал, что Цзян Цяо сначала внес его в «черный список», а затем наполовину вычеркнул оттуда благодаря успеху выступления.

Потерпев неудачу с добавлением в друзья, Лян Чэнъянь не стал торопиться.

Судя по поведению Цзян Цяо, тот не был настроен на долгосрочные отношения; это скорее был мимолетный порыв. Чем больше Лян Чэнъянь будет спешить сейчас, тем легче будет всё испортить.

Когда Чэнь Юй прислал видео, он посмотрел его, проигнорировал остальные сообщения друга и попросил раздобыть расписание занятий Цзян Цяо.

[Чэнь Юй: ...Я просто в шоке. Никто не поверит, если я расскажу, что наш великий господин Лян опускается до таких мелких уловок.]

[Лян Чэнъянь: Шанс выпадает тому, кто к нему готов.]

[Чэнь Юй: Да брось, бро. Очередь из тех, кто «готов», растянулась до самого западного аэропорта, но что-то я не видел, чтобы кому-то удалось сорвать этот «высокогорный цветок».]

Насчет остальных Лян Чэнъянь не имел мнения. Но что касается него самого...

Он посмотрел на экран, где юноша совершал легкий прыжок, изящный и благородный, словно лебедь. В глубине его темных глаз промелькнула трудноуловимая мысль.

Выходные пролетели незаметно. В понедельник Цзян Цяо неизменно встал в полседьмого утра.

Любой танец невыносим без растяжки и тренировки выносливости. Си Цянь начала тренировать его по основам хореографии, когда ему было всего три года, и её требования всегда были крайне жесткими.

Весной, когда ему было семь, из-за весенней сонливости он позволил себе поваляться в

постели чуть дольше обычного.

Узнав об этом, Си Цянь со строгим видом и гибким хлыстом в руках увеличила ему нагрузку.

— Искусство оттачивается годами, месяцами, днями. Возможно, в душе ты не согласен и думаешь, что потерял всего один день или даже полчаса. Но посмотри вокруг: за те полчаса, что ты проспал, другие ушли далеко вперед. Цзян Цяо, не разочаровывай меня!

Долгое время Цзян Цяо даже во сне слышал её фразу: «Не разочаровывай меня». Во сне он без остановки репетировал, и просыпаясь утром, ему иногда казалось, что интенсивность тренировок из снов перенеслась в реальность — так сильно болели кончики пальцев.

Позже Цзян Цяо перестал бояться Си Цянь, но лениться больше никогда не пробовал. За исключением экстренных случаев, на протяжении более десяти лет он ни разу не давал себе поблажки.

Закончив утреннюю разминку, Цзян Цяо принял душ и вышел из дома.

Сегодня утром была открытая лекция профессора Чжан Цзинъя. Когда он пришел в потоковую аудиторию, она была уже почти заполнена.

Профессору Чжан Цзинъя было за шестьдесят, у неё был довольно легкий и открытый характер, а её манера преподавания — живой и интересной. Поэтому её занятия пользовались большой популярностью, и вольных слушателей всегда было много. Но чтобы на утренней паре было *столько* людей — такое случилось впервые.

Цзян Цяо не знал, что отдел пропаганды студенческого совета работал все выходные, обрабатывая видео с праздничного вечера, и выложил их на официальный сайт университета. Темы о концерте на форуме заняли половину главной страницы, и самым обсуждаемым номером стал его «Лебедь». Видео выступления разошлось не только внутри вуза, но и было перепощено другими учебными заведениями.

Как только Цзян Цяо вошел в аудиторию, он сразу привлек всеобщее внимание.

Обычно его жизнь ограничивалась тремя точками: аудитория, репетиционный зал и дом. Он не участвовал в деятельности студенческих клубов, и, кроме одноклассников, мало кто имел возможность пересечься с ним.

Открытая лекция была одним из редких шансов увидеть его вблизи. На форуме даже писали, что готовы встать ни свет ни заря на лекцию только ради того, чтобы посмотреть на Цзян Цяо.

Звучало это довольно нелепо, но на деле так и вышло — в теме отписалось немало солидарных с этим мнением студентов.

Цзян Цяо нашел место в первом ряду и сел. Вслед за ним на соседнее место опустилась его одноклассница Сюй Цяньюй.

— Ты не против, если я сяду здесь? — с улыбкой спросила она.

Цзян Цяо этот вопрос показался странным. Это же не школьный класс, здесь нет закрепленных мест, к тому же Сюй Цяньюй уже села, так что вопрос был явно лишним.

Однако из вежливости он ответил:

— Как хочешь.

Сюй Цяньюй поблагодарила:

— Хорошо, что ты не против.

Цзян Цяо замер, листая книгу, и посмотрел на неё:

— А почему я должен быть против?

— Просто обычно рядом с тобой никто не садится, вот я и подумала, вдруг тебе не нравится сидеть с кем-то рядом, — сказала она с улыбкой, а потом добавила, словно боясь, что он её неправильно поймет: — Всё из-за их пустых разговоров, они ввели меня в заблуждение.

Это слово «они» было использовано весьма тонко.

Обычно человек, услышав «мнение других» о себе, невольно проявляет любопытство и продолжает беседу — либо по заранее заготовленному сценарию собеседника, чтобы узнать, кто эти «они» и что именно «они» говорят.

Но Цзян Цяо был не из таких. Его это совершенно не волновало.

На попытку Сюй Цяньюй завязать разговор он ответил лаконичным «Нет», решительно обрубив тему, и сосредоточился на книге.

Сюй Цяньюй в онемении смотрела на него какое-то время, осознав, что тема, которую она готовила весь вечер, даже не получила шанса быть развитой. В итоге ей осталось только смотреть, как в аудиторию входит профессор Чжан Цзинъя.

Волосы профессора Чжан Цзинъя были подернуты сединой. Она носила очки в золотой оправе и была одета в элегантное темное ципао с цветочным узором. От неё веяло тем мягким очарованием, которое приносит с собой жизненный опыт.

Она подошла к кафедре, положила книгу и первым делом обвела взглядом аудиторию, в итоге остановившись на Цзян Цяо в первом ряду.

Она с улыбкой произнесла:

— Я еще в коридоре услышала ваши восторженные голоса. Сначала подумала, что это мне, старушке, так рады, но, подслушав у двери пару фраз, поняла: это вы нашего студента Цзян Цяо так приветствуете.

Её слова вызвали смех. Кто-то громко крикнул:

— Профессор Чжан, вы слишком скромны! Вы пользуетесь огромным уважением, и вам всегда рады. Просто характер этой радости разный: вы — незыблемый столп нашего университета, а студент Цзян Цяо — его почетная звезда. Вы оба — наши бесценные сокровища.

Остальные со смехом подхватили, и Чжан Цзинъя погрозила тому студенту ручкой:

— Острый язык, но мне приятно. Ладно, начнем занятие.

Цзян Цяо, будучи одним из тех самых «бесценных сокровищ», слышал подобные оценки уже столько раз, что никак не отреагировал. Он открыл блокнот, приготовившись слушать, даже

несмотря на то, что это была открытая лекция.

Профессор Чжан Цзинъя любила вызывать студентов для ответов на вопросы. Благодаря прелюдии в начале лекции, Цзян Цяо стал «счастливчиком», которого вызвали первым.

К счастью, он слушал очень внимательно, а его конспекты были крайне детальными. Он не только смог дать исчерпывающий ответ на вопрос профессора, но и вступил с ней в глубокую дискуссию по основной теме лекции.

Он стоял в первом ряду, выпрямив спину. В ходе обсуждения его логика была безупречной, мышление — ясным, а примеры — четко структурированными. Весь его облик буквально сиял.

Многие тайком доставали телефоны, чтобы сфотографировать его или записать видео выступления. Сюй Нин был в их числе.

На самом деле тем остряком, назвавшим профессора и Цзян Цяо «бесценными сокровищами», был именно Сюй Нин. Он учился на том же курсе, что и Цзян Цяо, но на другом факультете, а открытую лекцию они посещали вместе.

Снимая, он не преследовал никаких целей — обычное желание запечатлеть что-то красивое. Но сделав кадр, он понял, что фотография получилась просто потрясающей.

Когда человек чувствует, что у него что-то круто получилось, ему хочется поделиться этим, получить признание и похвалу. Сюй Нин не был исключением.

Сначала он хотел скинуть фото в баскетбольный чат, но засомневался: выставлять фото Цзян Цяо на всеобщее обсуждение казалось не совсем правильным. Отказавшись от этой идеи, он долго листал список контактов и наконец нашел того самого «терпилу», который точно его не выдаст, но при этом удовлетворит его желание похвастаться.

Это был его двоюродный брат — Лян Чэнъянь.

Лян Чэнъянь не был из тех, кто любит перемывать кости, и сам был весьма выдающимся человеком. Ему можно было смело отправить фото для обсуждения именно технических аспектов снимка.

Подумав так, Сюй Нин решил, что лучшего кандидата не найти, и немедленно отправил фото.

Лян Чэнъянь получил фото сразу после тренировки. У него не было утренних пар, и, сойдя с беговой дорожки, он увидел сообщение в WeChat.

[Сюй Нин: [Изображение]]

[Сюй Нин: Чэн-гэ! Скорее посмотри, какое фото я сделал! Какая композиция, какой свет! Разве не шедевр?!]

[Сюй Нин: Не зря я вступил в фотоклуб. Кажется, после выпуска у меня будет еще один путь в жизни!]

[Сюй Нин: Конечно, половина успеха — это внешность Цзян Цяо. У него реально нет плохих ракурсов, как ни сними — всё красиво! Честно говоря, гэ, твой прошлый провал с ним был вполне закономерен.]

Цзян Цяо?

Лян Чэнъань открыл присланное фото.

Действие происходило в одной из потоковых аудиторий университета. Цзян Цяо сидел в ряду у окна. Солнечный свет, преломляясь сквозь стекло, падал на него, подсвечивая половину тела. Его черные волосы отливали бледным золотом, а кожа лица в профиль казалась почти прозрачной.

Это был живой человек, но он выглядел как нереально красивая картина.

Сюй Нин не преувеличивал: фото действительно было удачным. Лян Чэнъань на ходу сохранил снимок и в конце концов отправил в ответ несколько слов.

[Лян Чэнъань: Угу, красиво.]

Сюй Нин, очевидно, ждал ответа и отписался мгновенно, явно недовольный столь скупой оценкой.

[Сюй Нин: И это всё???)

[Сюй Нин: Для моего отточенного мастерства фотографии у тебя нашлось только слово «красиво»?!!]

[Лян Чэнъань: Не пойми превратно.]

[Лян Чэнъань: Я сказал, что красив человек на фото.]

Сюй Нин: «...»

«Ты вообще соображаешь, что несешь?!!»

От автора:

Лян Чэнъань: Сохраняет фотографии как сумасшедший.

—

<http://bllate.org/book/17598/1636119>